

Dorovský, Ivan

Первые стихотворения

In: Dorovský, Ivan. *Райко Жинзифов : воздействие русской и украинской литературы на его творчество*. Vyd. 1. V Brně: Univerzita J.E. Purkyně, 1988, pp. 11-21

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/122344>

Access Date: 28. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ПЕРВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Страстный патриот Райко Жинзифов принадлежит к группе балканских культурных деятелей прошлого столетия, чья судьба была трагической.

Он родился „близ реката Вардар“ — в небольшом городе Велесе 15 февраля 1839 года. Первоначальное образование получил в родной семье, у своего отца. Его отец, врач и учитель греческого языка, был одним из самых образованных людей того края. Он был по происхождению валах (ароманец) из Москополе (в настоящем на территории Албании). Мать его была македонкой, но помимо родного диалекта, хорошо владела греческим языком.¹ П. Динеков пишет,² что оба его родители были грекоманами. С таким толкованием едва ли можно согласиться. Если бы его семья действительно была грекоманской, без чувства славянского происхождения (со стороны матери), то этому противоречит сама дальнейшая действительность, хотя бы тот факт, что когда мальчику было лет одиннадцать, родители посылают его к известному учителю того времени Николаю Тонджорову изучать „славянский“ язык. Его учителями были также М. Будимирович из Сербии и Н. Христодулович из Болгарии.³

Одиннадцатилетний мальчик Ксенофонт (Райко) усердно учится у Тонджорова разбираться в церковнославянских текстах и одновременно у него рождается чувство гордости от сознания, что он славянин. Здесь надо искать объяснения, почему молодой Ксенофонт не поступил в дальнейшем в школу в Афинах или в Янине, которые в то время привлекали много молодых людей. Именно в этом надо искать, но-нашему, причины „семейных несогласий, семейных расхождений“, о которых во всех его биографиях только упоминается, без объяснения причин.

Думается, эти семейные обстоятельства и расхождния, которые явля-

¹ Поленаковик', Х.: *Райко Жинзифов, живот и книжевна дејност*, Развиток, год. 17, бр. 1, Битола 1979, с. 36—58.

² Жинзифов, Р.: *Избрани творения*, под редакцијата на П. Динеков, 2 издание, София 1943, с. 3—6.

³ Поленаковик', Х.: *Указ. произв.*, с. 41.

ются важным этапом в жизни будущего поэта, можно объяснить двояким способом: во-первых, в семье могли быть расхождения в мнении матери и отца о дальнейшей судьбе ребенка. Возможно, что отец хотел, как было модно, чтоб Ксенофонт поступил в школу в Афинах, но мать и Ксенофонт не хотели этого. Во-вторых, может быть, отец вообще не хотел, чтобы его сын продолжал свое дальнейшее образование. Вернее всего будет первое наше предположение, ибо оно подтверждается и некоторыми стихотворениями поэта.

Следствием этих „расхождений“ является уход молодого Жинзифова из дому. В 1855 году⁴ шестнадцатилетний Ксенофонт уходит в Прилеп, к Димитру Миладинову, одному из первых работников возрождения, культурному и политическому деятелю на территории Македонии 50-х и начала 60-х годов прошлого столетия. У Д. Миладинова хочет Жинзифов работать помощником-учителем. Именно здесь начинается культурно-просветительская и политическая деятельность молодого Жинзифова. Тут начинается их совместная деятельность в деле национального возрождения.⁵

У Димитра Миладинова была уже многолетняя практика педагогической и просветительской работы. В 1845 году приезжает в Охрид выдающийся русский славист Виктор Иванович Григорович (1815—1876), который в 1844—1847 гг. совершил научную командировку в разные славянские страны. С большим удовольствием он открывает и рассматривает старославянские книги в Македонии, особенно в Охриде, знакомится с заботливым и трудолюбивым учителем Д. Миладиновым и присутствует на его уроках. Григорович, увидев, что Миладинов преподает на греческом языке, ведет с ним долгий разговор о славянстве, о славянской семье, о том, что русские и остальные славяне — братья. Григорович собирал македонские народные песни (записал песню, которую ему спела мать Миладинова), фольклорные материалы, записывал отдельные македонские местные говоры, чтобы позже сделать первые научно обоснованные наблюдения над македонскими и болгарскими диалектами.⁶

В. И. Григорович пробуждает и укрепляет у Д. Миладинова любовь ко всему славянскому, народному, прекрасному, к народным песням, обычаям, сказаниям, героическим преданиям, народным пословицам и поговоркам, направляет Миладинова к познанию этой неисчерпаемой народной сокровищницы. Он порекомендовал Миладинову собирать ценные фольклорные материалы и публиковать их.

„Гласът на родината, славянската традиция, която никога не е прекъсвала из българските земи (автор има в виду и територия Македонии — И. Д.), срещата му с Григорович, ... нуждата от широка народна просвета,

⁴ П. Диневков приводит 1856 год. Однако, более точными будут даты у Здравевои и А. П. Стоилова.

⁵ Миладинови, Д. и К.: *Съчинения*, под редакцията на Н. Табаков, София (без года издания).

⁶ Григорович, В. И.: *Собрание сочинений*, под редакцией М. Г. Попруженко, Одесса 1916. См. также Dоgоvský, I.: *Nářečí a spisovný jazyk. Na materiálu z balkánských jazyků*, in: sb. Jazykovědné sympozium 1971, Brno 1973, s. 87—91.

поставят ... Димитра Миладинова в първите редове на борбата за пробуждението на ... Македония“ — пишет Н. Табаков.⁷

В Прилепе Д. Миладинов преподава вече на „славянском“ языке (в сущности на своем родном диалекте). Его помощником-учителем стал Ксенофонт Жинзифов, который учится у Миладинова прежде всего любви к народу и его творчеству. Сам Жинзифов начинает под его влиянием собирать народные песни. Еще более усиливается у молодого Жинзифова чувство любви к народу, когда они с Миладиновым становятся учителями в г. Кукуше. Тут было развито национальное самосознание более, чем в некоторых других македонских городах. Велась ожесточенная борьба за назначение патриархом „единородца и однокровника“ Партения. Усиление борьбы после их прихода в Кукуш является также их заслугой. Здесь они стремятся ввести в школах и церквях славянский язык. Кукушане требуют церковной службы на славянском языке, борются против греческого патриарха Мелетия.⁸ Мало известно, что с этим „болгаромразом“ несколько раз остро дискутировал 18-летний юноша Жинзифов.

Чтобы частично удовлетворить желания жителей города, Миладинов начинает переводить некоторые части евангелия и апостола и дает их в распоряжение священникам. Таким образом, в начале 1858 года уже в школах и церквях Кукуша пользовались славянским языком. Думаю, что есть все необходимые основания предполагать, что Миладинову помогал и, возможно, также сделал часть переводов сам Жинзифов. Следовательно, к этим годам возможно отнести начало переводческой деятельности Жинзифова.

Романтическое обращение Миладинова и Жинзифова к народному поэтическому творчеству не является только простым обращением к старине, но и обращением к настоящей реальной жизни и чувствам народа.

Часть собранного Жинзифовым фольклорного материала вошла в сборник „Български народни песни“ братьев Миладиновых.⁹ Вторую часть послал Жинзифов московскому профессору Петру Алексеевичу Бессонову (1828—1898), русскому историку литературы, славянофилу, а третью часть опубликовал автор в разных болгарских и русских журналах и газетах.¹⁰

⁷ Миладинови, Д. и К.: *указ. соч.*, с. 10.

⁸ О Мелетии, его алчности и антиславянской деятельности среди кукушан позже Жинзифов писал в своих публицистических статьях. См. Жинзифов, Р.: *Публицистика в два тома*, том 1, София 1964, с. 187.

⁹ *Български народни песни* собрали од братья Миладинови Дмитрия и Константина и издали од Константина, Загреб 1861. См. также Миладиновци, *Сборник (1861—1961)*, Скопје 1962, в котором обстоятельное введение Д. Митрева.

¹⁰ Напр. в „Периодическо списание“, год. 1, кн. 1, Браила 1870; в жур. Филологические записки, г. 5, вып. 4 и 5, 1866, Жинзифов опубликовал „Народные болгарские сказки“, к которым прибавил следующее объяснение: „Сказки эти принадлежат братьям Миладиновым и предназначались ими для напечатания в Сборнике, который намерены были издать в 1859 году студенты Московского университета, Историко-филологического факультета, но издание Сборника не осуществилось. Усердные ревнители болгарского развития и просвещения Дмитрий и Константин Миладинови, уроженцы Македонской Струги (не далеко от Охрида), занимались собиранием болгарских народных песен, сказок, пословиц и вообще всем, что входит в область безыскусственной народной словесности болгар. В этом деле принимал

В июле месяце 1858 года Жинзифов приезжает в Одессу, где находилось много болгар и людей из других балканских стран.¹¹ „На Жинзифов се представи случай да заmine за Русия, за да получи по-високо образование“ — пишет П. Динев. Жинзифову, однако, не „се представи случай“, а он долго сберегал деньги.¹² Его приезд в Одессу надо считать делом заранее запланированным Д. Миладиновым, его братом Константином, живущим уже в России, Александром Рачинским и, конечно, самым Жинзифовым. Жинзифов записался в Херсонскую духовную академию.

Вторая половина 50-х годов в России является периодом перехода ко второму этапу освободительного движения — буржуазно-демократическому — наступающему после крупных исторических событий в истории России — после Крымской войны. На общественно-политическую арену общероссийского освободительного движения вступают разночинцы, период которых „был возведен еще деятельностью Белинского“. Интеллигенция новой формации, вышедшая из новых общественных слоев, прежде всего из духовенства, низшего чиновничества, мещанства и крестьянства, „поднимала народ, имея в нем свои корни“. В России назревает революционная ситуация.

Именно в годы, когда молодой Жинзифов приехал в Россию, революционная ситуация сложилась так, что распространяется „Колокол“ А. И. Герцена, на общественной сцене выступают Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин, Т. Г. Шевченко и другие писатели-революционные демократы. В 1858 году Н. А. Некрасов выступает со своими „Размышлениями у парадного подъезда“, в которых в яркой художественной форме показывает тяжелое положение русского крестьянства.¹³

Одновременно с развитием капитализма в России в результате буржуазных реформ, проведенных крепостниками, революционной общественной мыслью и прогрессивными философскими идеями, бурно развивается русская литература, расцветает русская живопись, наука и искусство — словом, русская культура. В органе русской передовой литературы „Современнике“, а также в издаваемом за границей „Колоколе“ Герцена популяризируются и развиваются освободительные идеи. Переход к новому буржуазно-демократическому этапу русского освободительного дви-

посильное участие и пишущий эти строки. Весьма обширный сборник „Болгарских народных песен“ составлен был К. Миладиновым, который с 1857 по 1860 год слушал лекции по историко-филолог. факультету в Моск(овском) университете и хлопотал об издании своего Сборника в Москве. Желание К. Миладинова не могло осуществиться, и он в 1860 году уехал в Загреб, где, при помощи знаменитого хорватского архиепископа Штросмайера, напечатал свой прекрасный Сборник в 1861 году ...“ См. Жинзифов, Р.: *Публицистика в два тома*, том 2, Софии 1964, с. 278—279.

¹¹ Никитин, С. А.: *Славянские комитеты в России в 1857—1876 годах*, Москва 1961, с. 54—65.

¹² Жинзифов, вероятно всего, начал сберегать деньги с целью поехать в Россию еще в Прилепе в 1856 году, когда уехал в Москву К. Миладинов.

¹³ Назви мне такую обитель, / Я такого угла не видал, / Где бы сеятель твой и хранитель, / Где бы русский мужик не стоял // См. Некрасов, Н. А.: *Собрание сочинений* в 8 томах, Москва 1965, том 1, с. 303. Все дальнейшие примеры из творчества Некрасова приводятся по этому изданию.

жения требовал дальнейшего развития революционно-демократической идеологии и материалистической философии. На русской почве встретились две разные противостоящие философии — материалистическая философия Чернышевского, Некрасова и их соратников и „христианская философия“ славянофилов.¹⁴

Русская прогрессивная мысль 60-х годов, конкретнее говоря, идеи освобождения крестьян путем революции, восстания, сильно воздействовала (вместе с другими факторами) и на идеологов болгарского и сербского освободительного движения, особенно на тех, которые жили известное время в Москве и других городах и подготавливали восстание извне.

Ксенофонт Жинзифов в Москве попал в среду т. наз. московских болгар, из которых надо упомянуть Л. Каравелова, М. Дринова, Нешо Бончева, Найдена Герова, Н. Катранова и др.¹⁵ К началу 1859 года кроме болгар были в Москве также шесть студентов Московского университета из Македонии: К. Миладинов, Р. Жинзифов, К. Станишев, Г. Стоименов, Н. Иванов, А. Стоянов.¹⁶ Студенты из Болгарии и Македонии начали издавать литературный сборник „Братский труд“.

В Москве в то время находятся виднейшие представители русской культуры. Одновременно Москва является центром русского славянофильства. Большинство студентов из балканских славянских стран почти ежедневно вступают в контакт со славянофильскими кругами (так как славянофилы поддерживали их денежными средствами),¹⁷ но одновременно знакомятся с идеями передовых людей-революционных демократов. Некоторые из болгар, напр., Л. Каравелов,¹⁸ который сначала был тоже под влиянием славянофилов, отошли от них и начали изучать произведения Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Д. И. Писарева и др. Для Каравелова, как и позже для Жинзифова, славянство — не фикция, не история или пустая мечта, а действительность. Можно сказать, что и Каравелов в известной степени положительно воздействовал на формирование взглядов нашего поэта, хотя между ними были разногласия в вопросах о роли литературы. Однако на дальнейшее развитие мировоззрения моло-

¹⁴ *История философии*, том 2, Москва 1957, с. 331.

¹⁵ Н. Катранов — прототип Инсарова, героя романа Тургенева „Накануне“.

¹⁶ Миладинов, К.: *Творби, Скопје* 1958, и Попов, Н. А.: *Краткий отчет о деятельности (1858—1868) Славянского благотворительного комитета в Москве*, Москва 1868.

¹⁷ Общение т. наз. Московской болгарской дружины (и других деятелей из балканских славянских стран) со славянофилами можно вкратце объяснить следующими обстоятельствами: 1. славянофилы материально их поддерживали, особенно молодых студентов, одним из которых был и Р. Жинзифов; 2. славянофилы интересовались церковным вопросом, являющимся для балканских славян самым главным вопросом в их борьбе за независимую церковь. 3. Студенты (и другие деятели из Балкан) ставят себе целью познакомить русский народ с положением балканских славянских народов. Они стремятся показать, открыть русскому народу национальный быт, своеобразную и богатую культуру, прошлое и страдания. И для всего этого они находят благоприятную почву прежде всего в славянофильских газетах и журналах. См. Ерихонов, Л. С.: *Литературната дейност на българската дружина*, Език и литература, год. 18, бр. 6, София 1963, с. 49—58.

¹⁸ Воробьев, Л. В.: *Любен Каравелов. Мировоззрение и творчество*, Москва 1963; Конев, И.: *Любен Каравелов*, София 1966; Попиванов, И.: *Любен Каравелов*, София 1975; Леков, Д.: *Любен Каравелов*, София 1977 и др.

дого Жинзифова оказали влияние русские революционные демократы, с идеями которых он постепенно знакомится. Жинзифов не подходит ни к идеологии славянофилов, ни революционных демократов некритически, а принимает прежде всего то, что могло бы помочь поработенным народам на Балканах. Тем самым можно в известной степени объяснить и его дальнейший интерес (см. ниже) к известнейшему и любимейшему поэту того времени, идеологу и редактору „Современника“ Н. А. Некрасову, к поэзии Т. Г. Шевченко и др.

В дальнейшем идейном развитии Р. Жинзифова, в бытность его в Москве, значительную роль сыграл также Г. С. Раковский. З. Здравева¹⁹ говорит только о том, что Раковский „му обърнал внимание на личното му име и го посъветвал да го замени с Райко“. В письме Раковскому от 9 января 1859 г. Жинзифов писал: „Помните ли, зашто когато дойдох в Одеса, токушто чухте гръцкото ми име, първий ваш одговор беше: Да си смениш името, ако си Българин. Истинно, Господине мой, колку неприлично ми ся видеше името ми, не можах да ви докажам, щото веруйте ми, дури срам ми беше да го кажам другему ... Проклети! Прочее вместо Ксенофон ... зедох име, с което преди две години ме викаше муж добрий и великодушен и най-голем родолоубец в Македония, Д. Хр. Миладинов.“²⁰

Раковский разговаривал с Жинзифовым, однако, не только о его имени. Жинзифов не мог не узнать о взглядах Раковского на борьбу с турками, о его богатом революционном опыте. Можно, следовательно, сказать, что краткое пребывание в Одессе было для молодого Жинзифова важным этапом в его жизни.

В Одессе, наверно, Жинзифов впервые читает гайдуцкую поэму Раковского „Горски пътник“ („Лесной путник“, 1857), в которой ее автор воспевал гайдуцкое дело и нарисовал тяжелую жизнь народа под властью султанов. Раковский обращается к народу словами: „До когда, братя, ми да търпими / Лют’ угнетение да ни тлее? / До когда бедни ми да стоим / Нас хладнокървие да владее? / Българска кръв да ся пролива! / Братя в окови да издъхват! / Българка сълзи да си пролива, / Деца невинно да страдаят!“²¹

Через год после встречи с Раковским Жинзифов в своем стихотворении „Гулаб“ („Голубь“), напечатанном в 1860 году в журнале „Български книжици“, выразил подобные чувства и идеи. В отличие от И. Д. Шишманова,²² который пишет, что „для нас важно то, что уже в первой поэтической работе молодого студента (Р. Жинзифова — И. Д.), которая появилась в царьградских „Български книжици“ (стихотворение „Гулаб“), замечается сильное влияние тогда еще живого Шевченко“, мы думаем, что в стихотворении „Гулаб“ надо видеть прежде всего влияние македонского народно-поэтического творчества и „Лесного путника“ Раковского. Жинзифов высоко ценил деятельность и творчество Раковского и посвятил

¹⁹ Жинзифов, Р.: *Съчинения*, под редакцията на З. Здравева, София 1927, с. 2.

²⁰ См. письмо Г. С. Раковскому от 9 января 1859 г. в кн. Жинзифов, Р.: *Одбрани творби*, приредил Г. Тодоровски, Скопје 1981, с. 424—425.

²¹ Раковский, Г. С.: *Горски пътник*, София 1958, с. 146—147.

²² *Світова слава Шевченка*. Збірник матеріалів про творчість Т. Г. Шевченка в трьох томах, том 3, Т. Г. Шевченко в зарубешньому літературознавстві, Київ 1964, с. 39.

ему несколько статей, в которых о нем говорит с любовью и уважением как о великом и настоящем болгарском патриоте. В начале 60-х годов Жинзифов представил Раковского в русской печати, в которой писал, что его произведения очень полезны для болгар и что „в современной болгарской литературе“ нет ничего лучшего.²³

Воздействие „Лесного путника“ Раковского на поэзию Жинзифова замечается главным образом в первых его стихотворениях, к которым принадлежит и „Гулаб“. Поэтическое произведение Жинзифова близко к „Лесному путнику“ Раковского своей ненавистью к фанариотам, некоторыми своими лексическими соединениями и сходными художественными приемами.²⁴ Автор „Гулаба“ дает творческую перефразировку риторических обращений Раковского, чтобы выразить подобные чувства, настроения, идеи.²⁵ Сходств довольно много. Мы говорим об этом для того, чтобы указать на традиции, в которых Жинзифов продолжает развивать свою поэзию.²⁶

Неправильно общепринятое мнение, что „Гулаб“ — первое опубликованное и вообще первое стихотворение Жинзифова. Стихотворение „Питање и отговор“ („Вопрос и ответ“) печаталось в начале 1860 года, а „Гулаб“ только в ноябре месяце того же года. Значит, первым опубликованным произведением Жинзифова является стихотворение „Питање и отговор“.

Во время когда „рабсье молчание было нарушено“, содействовали формированию и укреплению мировоззрения Жинзифова два общественно-политические и философские течения: славянофильские круги и революционно-демократическое прогрессивное русское общественное мнение. От славянофилов Жинзифов берет только некоторые их взгляды. Прежде всего он у них учится любви к историческому прошлому, к народно-поэтическому творчеству (хотя они понимали этот вопрос неправильно), любви к другим славянским народам и к их культуре, которая, по мнению славянофилов, должна быть достоянием всего славянства. В славянофиле

²³ Болгарская литература, сб. „Поэзия славян“, изданный под редакцией Н. В. Гербея, Санктпетербург 1871, с. 294—302; Болгарские поэты (Г. Раковский, П. Славейков, К. Жинзифов, Д. Чингулов), там же, с. 303—311; Несколько слов о сочинениях болгарина Раковского, Русский архив, вып. третий, 1863, с. 233.

²⁴ Ср. у Раковского: В днешна же битка няма му вря! / Видип христиани мрат за турци, / сребро и злато тяхна е мяра. / Скъпо ще стани то за поганци! *Горски пътник*, София 1958, с. 175. У Р. Жинзифова: Среброто е нивхът бог / Златото е тяхна любов, / За тех те умират, / Всичко друго дават. *Съчинения*, София 1927, с. 20.

²⁵ Ср. Раковский: До кога тяжкое мъчителство, / чести насилия от злодейци? / До кога варварско губителство, / кръвопролитие от поганци? *Горски пътник*, с. 135. А у Жинзифова: До кога вие к'е търпите / Тежки мъки к'е теглите? / До кога вие к'е спиете, / Нема да се уполите? Все примеры из поэзии Р. Жинзифова даются по Жинзифов, Р.: *Съчинения*, под редакцията на З. Здравева, София 1927, или по изданию Жинзифов, Р.: *Избрани творения*, под редакцията на П. Динеков, София 1943.

²⁶ В „Лесном путнике“ Раковского наблюдаются также аналогичные сходства с греческой революционной поэзией, что указывает на ее интересное воздействие на творчество Г. С. Раковского. См. Ζωίδης, Γ.; *Ρήγας Βελεστινλής*, без места издания, 1957, с. 217—235.

И. С. Аксакове, с которым поддерживал дружеские отношения до конца своей жизни, он видел одного из верных друзей южных славян.

Русская революционно-демократическая среда показывает Жинзифову, в каком направлении должна вестись борьба славянского населения на Балканах. Он укрепляет свой патриотизм в „истинном и возвышенном его значении и содержании — неутомимо, бескорыстно и горячо служить родине и народу и бороться за его освобождение“.²⁷

Будущий поэт живет далеко от своей родины. В глубине своего сердца он чувствует потребность рассказать „своей милой отчизне“ о своих целях и задачах отъезда за границу. Обращаясь к голубю, он дает яркую, очень конкретную картину душевного расположения, внутреннего мира поэта. Голубь служит поэту каким-то вестителем, воображаемым, но очень близким другом, которому рассказывает о своих идеях, мыслях, волнующих и грызущих его беспокойную, страдающую душу.

Сорокадевятистрочное стихотворение „Гулаб“ можно разделить на несколько частей: обращение поэта к голубю и объяснение его задачи, причины ухода от своих родных, описание фанариотских злодеяний, обращение к однородцам с призывом к борьбе за духовное освобождение и народный язык. Поэт посылает голубя на юг, к родной матери, к братьям-соотечественникам.

Далеко от своих родных поэт страдает от сознания их тяжелой судьбы, воплощающей судьбу поработанного народа, который он был принужден оставить без какой-либо помощи в бедствии, так как у него „... намерение твердо, / Твёрдо и непоколебимо“, которое заставило его проститься с ними. Намеченное намерение — это его сильное чувство любви к своей национальности:

**Националност, силно чувство
И любов към отечество
двата тераха и велеха
да не жалям братя и майка.**

Эти два фактора — национальность и любовь к родине — выступили в его деятельности на первый план, и поэт решил отдать свою жизнь на службу им, чтобы

**Отечество да се избави
...
От фанариоти владици
И прокляти, лукави гърци.**

Во многих стихах (как мы увидим еще дальше) поэт говорит о „безобразных грехах“ как о диких волках, грабящих все богатство трудового народа. Важным обстоятельством в становлении Жинзифова как общественного деятеля является и то, что он одним из первых открыто разобла-

²⁷ Поспелов, Г. Н.: *История русской литературы XIX века*, том 2, часть первая, Москва 1962, с. 89.

чил фанариотов не только как представителей греческого духовенства, но и (что является более важным) как представителей богатых и знатных греков, греческой буржуазии, для которой „Среброто е нихнѣт бог / Златото е нихна любов.“

В качестве убедительного подтверждения ненависти к распространителям и защитникам „великой идеи“, идеи великой Греции, может служить его публицистический дебют „Письмо одного из учащихся в Москве болгар к редактору“, присланное Ивану Аксакову, редактору газеты „День“.²⁸ В программной статье газеты говорилось о том, что „помимо национального не существует ничего прочного“, и развивалась идея, что существует опасность лишения некоторых славянских народов национальности. Жинзифов в своем „Письме“ разъясняет этот вопрос и заявляет, что именно у населения в Болгарии, Македонии и Фракии подавлено это национальное чувство не только турками, но еще более греками с их „мегали идея“. Поэт указывает на то, что греки с целью лишить балканские народы их чувства национальности и принадлежности к семье славянских народов не разрешают богослужения на церковно-славянском языке, запрещают учиться свободно родному языку, преследуют всех просвещенных лиц, особенно тех, которые получили образование в России. По мнению Жинзифова, русским была хорошо известна опасность для славянских народов со стороны немцев, но они не знали об опасности для балканских славян со стороны греков. В программу деятельности Жинзифова в России входит распространение правды в русском общественном мнении о забытом славянском населении на Балканах.

Райко Жинзифов хорошо владел греческим языком и следил за греческими историческими источниками и современной греческой печатью и исторической наукой, откуда узнавал о намерениях греческого духовенства эллинизировать славянское население. Поэтому для Жинзифова они опаснее турок.

В стихотворении „Гулаб“ автор обращается к своим соотечественникам с открытым призывом к деятельности за народное просвещение: „Дойде време, дойде кога / да се роди наша слава!“ В положительных вопросах, заданных поэтом народу:

До кога вие кие търпите,
Тежки мъки кие теглите?
До кога вие кие спите,
Нема да се уполите? —

возможно видеть, кроме влияния поэзии Раковского, и воздействие греческой революционной поэзии.²⁹

²⁸ Жинзифов, Р.: *Письмо одного из учащихся в Москве болгар к редактору*, *День*, № 3, от 28 октября 1861 г., с. 31. К „Письму“ Жинзифова добавлено „Примечание к статье и несколько слов о Славянском благотворительном комитете“, подписанное „редактором“. См. Жинзифов, Р.: *Публицистика в два тома*, том 1, София 1964, с. 31—35 и 377—379.

²⁹ Можно предполагать, что как Раковскому, так и Жинзифову была знакома греческая революционная поэзия, особенно стихи *ὡς πότε παληάρια θά ζούμε στὰ στενά*

В дальнейших двух четверостишиях „Гулаба“ заключена кульминация стихотворения. Поэт прямо и откровенно призывает народ к борьбе с греческими духовными поработителями, советует восстать, проснуться от глубокого сна духовного угнетения.

Стихотворение, вероятно, не все написано сразу. Последние семь строк добавлены. Видимо, после написания стихотворения, в котором поэт изложил и объяснил свои намерения ухода в Россию, он вспомнил еще о Кукуше и о своем верном друге Д. Миладинове, которого воспевал как „душа мъдра, много блага“. Все факты говорят о том, что стихотворение „Гулаб“, напечатанное в 1860 году, было написано в первой половине 1859 года в Москве.

Стихотворение „Питање и отговор“ (1860) написано в духе македонской народной поэзии и касается жгучих вопросов времени — борьбы за богослужение на славянском языке. Идеи национальности и сохранения родного языка являются, как мы увидим дальше, одним из основных мотивов в поэтическом творчестве Жинзифова.

В стихотворении поэт обращается к небесам, к золотому солнцу и буйному ветру, к горам и долинам с вопросом, почему они, кукушане, развеселились. Все от мала до велика танцуют народные танцы. Из среды этих танцующих и веселящихся автор выбирает одного „старца юнака“. Он „Громогласен, / Песнопевец, сладкогласен,“ который в песнях общается однородцам о радостных событиях и призывает их, чтобы они тоже радовались, ибо

Дойде време, дойде време
Да загини тежко бреме.

Певец является каким-то прообразом народного рапсода-гуслияра, которого вылепил и вывел поэт в дальнейших своих стихотворениях. Стихотворением „Питање и отговор“ Жинзифов откликнулся на самый современный вопрос времени — на борьбу за церковную самостоятельность. Оно посвящено борьбе кукушан за славянское богослужение. Кукушане в годы написания стихотворения добились успеха: в октябре 1859 года был владыкой назначен Партений Зографский.

Если поэт в „Питање и отговор“ только упомянул о типе народного певца, то в стихотворении „Молитва“ („Боже, чуй моя молитва“) он предлагает нам более конкретное изображение народного рапсода. Образ народного певца современности он видит в старом „вещем Бояне“ из „Слова о полку Игореве“. Это понятно, так как он в эти годы переводил „Слово о полку Игореве“ и стихотворения Т. Г. Шевченко, который выводил образ народного kobzara.

греческого революционера Ригаса Велестинлиса (Фереоса), которые в новоболгарском переводе звучат: Юнаци, докога ли тъй ще живеем ний / самички като лъвове в скали и планини? / В горите, в пещерите да бродим със тъга / зарад горчиво робство, юнаци, докога / ще губим братя, близки, родина и деца, / приятели, роднини и своите сърца? / О по-добре един час свободен смел живот, / отколкото четиридесет години — роб и скот! См. Антология на новата гръцка поезия, том, 1, София 1960, с. 31.

Жинзифов, говоря о прошлом, всегда связывает это идеализированное прошлое с историческим настоящим, с действительным положением.³⁰ Для поэта славянская вера слилась с национальностью, с нравами и обычаями народа и наполнила сердце поэта здоровыми идеями — идеями духовного освобождения, однако еще на основе исторического прошлого:

**Стари Охрид нек говорит,
Дълги Вардар нек не спава,
Търнов очи нек отворит,
Бели Дунав нек се радва.**

Жинзифов думает о братстве славянских народов, о равенстве и славянской любви, основы которой заложили первые просветители Кирилл и Мефодий. Он требует „духа национального, духа свободного“, чтобы славянское учение солунских братьев могло свободно развиваться, чтобы народ просвещался и „гремело и утешало“ великое „слово Кириллово“.

Эта „тоска“ поэта по старине, когда народ был свободным в жинзифовском понимании, является ничем иным, как пониманием поэтом прошлого в духе „Истории славяноболгарской“ Паисия Хилендарского. Поэт обращается к прошлому только для того, чтобы обосновать современные требования народа историческими фактами, чтобы показать фанариотам и туркам, что подвластные им славяне не греки, которые научились говорить по-славянски, как они стремились не раз доказывать, а народ со старой славянской традицией.

³⁰ „Че друга ет за нас доба: / Ми имаме язык, вера, / Свещен, богат, язык полен. / И та вера, нас согрела / Сос народност, сос дух волеп“

